

Вихри обнаруживают, кто такой незнакомец . . . Вихри и „вовъ софистикъ“ — какъ лейтмотивъ (обычный бѣловскій приемъ!) сопровождаютъ Владиміра Соловьева . . . Но вѣдь Соловьевъ спистъ на кладбищѣ монастыря. Тѣмъ сладостиѣ встрѣча, преодолюющая Смерть,

„Проснулась — на Дѣвичьемъ Полѣ
 Знакомымъ передрогомъ ширь:
 „Извозчикъ!.. Стой.. Со мною, что-ля?
 „Въ Новодѣвичій монастырь . . .
 — „Да чтобъ тебя: ломаешь сани!“
 И снова зовъ — знакомыхъ словъ:
 — „Тамъ — день свиданій, день возстаній
 — Ты кто?“ — „Владиміръ Соловьевъ“.

Видѣниемъ, расторгаящимъ Смерть, заканчивается поэма.

Петроникъ.

Юрій Никольскій. Тургеневъ и Достоевскій. (Исторія одной вражды). Софія, Русс. — Болг. Книгоиздат. 1921).

„Вражда“ Тургенева и Достоевскаго можетъ быть предметомъ изученія съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ: какъ біографическій эпизодъ, какъ моментъ въ развитіи русской общественности, какъ психологическая загадка, наконецъ. И вотъ при чтеніи книжки Ю. А. Никольскаго все время кажется, что авторъ соединилъ подъ одной обложкой черновые наброски отдѣльныхъ главъ, писанныхъ каждая съ новой установкой. Изложеніе пестритъ выписками и цитатами, мозаически межъ собой „цементированными“, но не сращенными органически въ цѣлостное изображеніе. Въ построеніи есть, правда, свой центръ тяжести, но болѣе по задачѣ, чѣмъ въ выполненіи. Авторъ пытается вскрыть глубинные корни психологическаго конфликта, возведя его къ „волевой противоположности“, къ „бытіевой“ (Sic! „бытійной“) полярности двухъ существъ. Совершенно справедливо опредѣлять Тургенева, какъ „детерминиста“, а Достоевскаго, какъ исповѣдника свободы воли, и сопоставлять это съ безсиліемъ, безхарактерностью перваго и активностью (хотя бы только потенциальной) втораго. Но характеристика, даваемая Никольскимъ, слишкомъ схематична, направлена, такъ сказать, на вѣропытныя глубины „интеллигбельнаго характера“, на душу *an sich*, тогда какъ психологически-объяснительное значеніе можетъ имѣть лишь „эмпирической характеръ“. По этой причинѣ авторъ не схватилъ пункта пересѣченія отдѣльныхъ воззрѣній Тургенева, возбуждавшихъ отталкиваніе въ Достоевскомъ: атеизма, руссофобства и германофильства. Несомнѣнно, что „раздражалъ“ Достоевскаго самъ живой Тургеневъ, а не тѣ или другія его мысли. Ю. А. Никольскій самъ это отмѣчаетъ, и все же не дѣлаетъ попытки показать, какъ же представлялся Достоевскому

— Тургеневъ-человѣкъ, ограничиваясь поверхностными замѣчаніями о „завистливыхъ“ чувствахъ къ барину, помѣщику, баблочно судьбы и пр. Отъ этого остается неяснымъ „карикатурный“ образъ Кармазинова: историко-литературныя сопоставленія, весьма любопытныя, не могутъ замѣнить раскрытія и освѣщенія того процесса, въ силу котораго живыя впечатлѣнія отъ дѣйствительнаго лица претворились въ художественный лже-портретъ. „Столкновеніе личностей — событіе ирраціональное“, и этого нельзя обойти простою ссылкой на неизбѣжность схематическаго подхода; схемы бываютъ разныя, полезныя и вредныя, и авторъ, по нашему мнѣнію, неудачно выбралъ путь изолирующей абстракціи тамъ, гдѣ слѣдовало прибѣгнуть къ сочувственной интуиціи. Станнымъ образомъ, онъ совершенно обходитъ то обстоятельство, что не съ однимъ Достоевскимъ поссорился и враждовалъ Тургеневъ, а и съ Толстымъ, и съ Герценомъ, — это одно уже должно было подсказать, что въ самомъ „эмпирическомъ обликѣ“ Тургенева крылось что-то такое, что толкало на разрывъ. Это была та самая оскорбляющая *suffisance* „линяющаго“ западнаго человѣка, которая дѣлала Герцену непосильной жизнь на „тинистомъ“ Западѣ и съ которой, въ Карлсруэ или Буживалѣ, привольно уживался Тургеневъ. И если слѣдовать настоянію Тургенева, — „судить не по одностороннимъ извѣстамъ, а по результатамъ цѣлой жизни и дѣятельности“, то нельзя замолчать того отталкиванія, которое внушилъ Тургеневъ сразу тремъ гениальнѣйшимъ (именно въ качествѣ людей) изъ своихъ современниковъ. То, что Герценъ писалъ потомъ Чичерину, онъ смѣло могъ бы адресовать Тургеневу, въ дополненіе къ сверкающимъ страницамъ „Концовъ и Началъ“: „Съ настоящимъ вы не можете быть въ разладѣ, вы . . . знаете, что если прошедшее было такъ и такъ; настоящее должно быть такъ и такъ, и привести къ такому-то будущему . . . Вы . . . знаете, куда идти, куда вести“. Конечно, это — „детерминизмъ“, но не въ видѣ отвлеченныхъ формулъ, какъ и не въ видѣ „онтологическаго“ — „ноуменальнаго“ ядра личности, а въ видѣ той незримой атмосферы, которую человѣкъ носитъ повсюду съ собой, и которая сквозитъ во всякомъ его словѣ и жестѣ, въ самой его походкѣ. Въ данномъ случаѣ этотъ „детерминизмъ“ проявляется у Тургенева въ его доктринерской вѣрѣ въ *genus europaeum* и несомнѣнной принадлежности къ ней русскаго народа, и въ тѣхъ легковѣсныхъ пожеланіяхъ и оцѣнкахъ, которыя она подсказывала ему по отношенію къ злобамъ дня, въ поверхностномъ и легкомысленномъ *train* жизни. Вотъ что возмущало Достоевскаго, какъ и Толстого и Герцена — безотвѣтственность Тургенева за себя въ его собственныхъ глазахъ. На этой глубинѣ изслѣдователь и долженъ остановиться, стараясь найти психологическіе корни конфликта; тогда онъ, дѣйствительно сразу избѣгнетъ и пошловатаго анекдотизма, принимающаго поводы и симптомы за причины, и абстракт-

наго схематизма „вещей въ себѣ“, не „объясняющаго“ ровно ничего.

„Вражда“ Тургенева и Достоевскаго не была только ирраціональнымъ столкновениемъ полярныхъ человѣческихъ монадъ; какъ историко-бытовой фактъ, она была обнаруженіемъ глубокаго психологическаго расщепленія русской „интеллигенціи“ — не „знавшихъ опредѣленно, куда идти, куда вести“ и не искавшихъ пути. Не вокругъ „теоретической“ проблемы свободы воли рождались непріязненные порывы, а вокругъ практическаго вопроса — что дѣлать? Не случайно „западники“ отвѣчали въ сущности — „ничего“: вѣдь *fata volentem ducunt, nolentem trahunt*. Вѣдь есть — „прогрессъ“ и *genus europaeum*. Не одинъ Тургеневъ былъ „трусомъ“; вспомнимъ — отъ Грановскаго горячо любимаго, нѣжнаго „благороднаго“, Герцена властно откинула его „боязнь консеквентности“, его желаніе во что бы то ни стало помирить для своего интимнаго обихода расплывчатую вѣру въ Бога и атеистическую мудрость лѣваго гегельянства. Эту черту совершенно вѣрно передалъ Достоевскій въ образѣ Верховенскаго, вся каррикатурность котораго зависить только отъ слишкомъ рѣзкаго нажима кисти въ проведеніи контуровъ и линий. И неужели совмѣщеніе въ одномъ литературномъ замыслѣ этихъ двухъ „шаржей“ не навело автора на мысль, что здѣсь выражалась борьба Достоевскаго съ цѣлымъ „направленіемъ“?

„Судить“ и понять непривлекательный конфликтъ: Тургеневъ—Достоевскій — можно, конечно, лишь „по результатамъ всей жизни и дѣятельности“, но это значитъ не перечислить всѣ „факты“, а — раздвинуть перспективы. Ю. А. Никольскій упустилъ прекрасный случай на примѣрѣ обнажить корни „вражды“. Сравнимъ „Отцы и дѣти“ съ „Бѣсами“. Объектъ — все тотъ же рускій нигилизмъ. Но могъ ли, — безразлично, какими мнѣніями взаимно обмѣнялись писатели по поводу этихъ произведеній, — въ глубинѣ души тотъ, кто видѣлъ подъ покровомъ убогой русской дѣйствительности бѣсовскія силы, обуевающія смертныя души, не „разойтись“ съ тѣмъ, кто видѣлъ только Базарова и Кукшину??*)

Г. В. Ф.

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“ ДЛЯ ОТЗЫВА.

Зарницы. Русскій національный ежемѣсячникъ. Софія.

Зеленая Палочка. № 5—6. Изд. „Сѣверъ“, б. о. г. стр. 60.

Д-ръ Г. А. Зивъ. Троицкій. Изд. Народоуправство Нью-Йоркъ 1921, стр. 96.

*) Намъ вопросъ о духовномъ соотношеніи Достоевскаго и Тургенева представляется гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ автору. Тургенева вообще нельзя понять, не адумавшись въ его классическую переписку съ Герценомъ.